

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.31249/rsm/2018.04.20

**В.Н. Бабенко, Т.Г. Биткова,
А.В. Манойло, Т.Г. Пархалина, Ф.О. Трунов,
Л.Н. Шаншиева**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ЦЕНТРА НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ИНИОН РАН

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции внутривосточного развития стран Восточной Европы, в первую очередь рост поддержки правых сил. Особое внимание уделяется в этой связи наиболее крупным странам региона – Польше и Румынии, а также Венгрии и Украине в период ее сближения с «коллективным Западом». Выделены этапы развертывания военного присутствия НАТО в Восточной Европе, особенности каждого из них.

Ключевые слова: Восточная Европа, Польша, Румыния, Украина, «историческая политика», НАТО, безопасность, военно-политические инициативы.

Бабенко Василий Николаевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
E-mail: vasbabenko@mail.ru

Биткова Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора Восточной Европы Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.
E-mail: tgbitkova@mail.ru

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН, профессор факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Пархалина Татьяна Глебовна – кандидат исторических наук, заместитель директора, руководитель Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем Института научной информации

по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: parkhalina@inion.ru

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы
и Америки ИНИОН РАН. E-mail: 1 trunov@mail.ru

Шаншиева Лариса Николаевич – кандидат философских наук,
заведующий сектором Восточной Европы Отдела Европы
и Америки ИНИОН РАН. E-mail: shlara@rambler.ru

**V.N. Babenko, T.G. Bitkova, A.V. Manoylo, T.G. Parhkalina,
Ph.O. Trunov, L.N. Shanshieva. Political and Military-Political Features of
the Situation Development in Eastern Europe. Methodical Seminar of Center
of Scientific Information Studies on Global and Regional Issues INION RAN**

Abstract. The article demonstrates the main tendencies of the internal political development of Eastern Europe, first of all, the growth of support of right-wing forces. The paper pays special attention to the largest countries of the region (Poland and Romania) and also Hungary and Ukraine during the period of its rapprochement with the West. The article highlights the stages of NATO's military presence deployment in Eastern Europe and the specific features of each stage.

Keywords: Eastern Europe, Poland, Romania, Ukraine, «historical policy», NATO, security, military-political initiatives.

**Babenko Vasily Nikolaevich – Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher, Sector of Eastern Europe,
Department of Europe and America, INION RAN, Moscow.
E-mail: vasbabenko@mail.ru**

**Bitkova Tatyana Georgyevna – Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher, Sector of Eastern Europe,
Department of Europe and America, INION RAN, Moscow.
E-mail: tgbitkova@mail.ru**

**Manoylo Andrey Viktorovich – Doctor of Political Sciences,
Leading Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN, Professor, faculty of politology, Moscow State University.
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru**

**Parkhalina Tatyana Glebovna – Candidate of Historical Sciences,
Deputy Director, Head of the Center for Scientific Information Studies
of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN), Moscow. E-mail: parkhalina@inion.ru**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

**Shanshieva Larisa Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences,
Head of the Eastern Europe Division, Department
of Europe and America, INION RAN, Moscow.
E-mail: shlara@rambler.ru**

**Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, Department of Europe and America,
INION RAN, Moscow. E-mail: 1 trunov@mail.ru**

Открывая семинар, его участники отметили: как исторически, так и на современном этапе Восточная Европа является весьма значимым для России регионом. Одной из отличительных черт внешней политики стран региона в нынешних реалиях является стремление к «игре мускулами» и демонстрации своей «особости». Как указывалось участниками семинара, это было обусловлено длительным историческим отсутствием своей субъектности и, соответственно, стремлением вернуть ее. Хотя еще один из основоположников геополитики Х.Дж. Маккиндер указывал, что по своему потенциальному положению Восточная Европа – стратегический хартланд. Территории стран региона, особенно в новой и новейшей истории – до окончания Первой мировой войны – в основном входили в состав более могущественных соседей, что не могло не вызывать недовольства. Так, венгерские феодалы и в целом широкие слои населения исторически находились в оппозиции к австрийским Габсбургам, которые захватили их земли к XVII в. В 1683 г. венгерские повстанцы массово вливались в состав войск Османской империи, предпринявших вторую осаду Вены, а венгерское восстание 1848 г. в купе с выступлениями других национальных меньшинств поставило Дунайскую империю на грань развала.

Еще одной яркой иллюстрацией является историческое развитие Польши, претендовавшей (особенно после Люблинской унии 1569 г., включавшей в ее состав Великое княжество Литовское) на роль ведущей католической державы Восточной Европы и даже занявшей Москву в 1610–1612 гг. Однако в итоге Польша оказалась поделена согласно разделам 1772, 1793 и 1795 гг. между Австрией, Пруссией и Россией. После распада трех империй «черных орлов» (Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов) образовавшиеся на их бывшей территории восточноевропейские государства стали называться лимитрофами (т.е. государствами, вновь возникшими на территории бывшей Российской империи, главным образом из западных губерний), впервые войдя в орбиту внешней политики «западных демократий» – в первую очередь Франции. В предвоенный период и годы Второй мировой войны страны Восточной Европы или были покорены Третьим рейхом, или превратились в его сателлитов (Венгрия, Румыния, Болгария, Словакия), но отнюдь не стали

полноправными союзниками, играя по правилам, установленным официальным Берлином.

После освобождения от «коричневой чумы» и возвращения независимости страны региона стали частью социалистического лагеря. С его распадом открылась современная политическая история государств Восточной Европы, а также стран Балтии. Участники семинара отметили интересную деталь: эти три республики де-юре и де-факто одними из первых вышли из состава Союза ССР – сразу после выступления ГКЧП (19–21 августа 1991 г.). Уже с этого момента им оказывалась активная политическая поддержка странами Запада, в первую очередь ФРГ. Именно эти государства стали пионерами по установлению дипломатических отношений с государствами – членами ЕС и НАТО.

Участники семинара сошлись во мнении, что двумя стратегическими ошибками внешней политики постсоветской России были досрочный и слишком поспешный «уход» из Восточной Европы уже в самом начале 1990-х годов и последующий недостаточный интерес со стороны Москвы к региону вплоть до современного момента – особенно на официальном уровне. Безусловно, оба данных фактора сужали возможности для академических исследований военно-политических и особенно политических трендов развития обстановки в регионе, что отчетливо проявляется в настоящее время.

Применительно к первой ошибке показателен следующий факт, приведенный участниками семинара: после распада социалистической системы представители стран Восточной Европы приезжали в Москву и задавали вопрос о возможных гарантиях безопасности, на что им отвечали, что с ними будут разговаривать через Брюссель и Вашингтон, и они обратились к руководству ведущих стран-участниц и институтов коллективного Запада. С точки зрения участников семинара, это ощущение «брошенности» вкупе с полным выводом российского (советского) военного присутствия (к 1992 г.) и свертыванием до минимума экономического сотрудничества и стали тем триггером, который обусловил процесс вхождения стран региона в Североатлантический альянс и Европейский союз.

В 1990-е – начале 2000-х годов широкие массы населения стран Восточной Европы, ожидая вступления в евро-атлантические институты и в первые годы после вступления в них, стали верить в либеральные ценности, ожидая качественного улучшения уровня жизни и благ. Вступление в ЕС и НАТО воспринималось многими в качестве «возвращения в Европу», возвращались через «дверь» НАТО, поскольку это было гораздо проще.

Однако, как отмечалось участниками семинара, уже в этот период стало ясно, что политические реформы, схема которых напоминала «качание маятника» влево – вправо, по скорости и масштабу существенно опережали преобразования экономические. Это было обусловлено нехваткой ресурсов и опыта. Так, идя по пути частичного разрушения тяжелой промышленности,

страны Восточной Европы не смогли восполнить потери рабочих мест необходимым объемом роста других отраслей. Кроме того, отчетливо проявился «кризис ожиданий» в отношении Запада, который не предоставил странам региона масштабной экономической (в первую очередь, финансовой) помощи. Исключение составила лишь Польша: 45% ее долга времен холодной войны (свыше 33 млрд долл. (!)) была списана Парижским клубом уже в 1991 г. [15], кроме того, только в 2007–2013 гг. РП получила для целей внутреннего развития 56 млрд ф. ст. (63 млрд евро) от ЕС в виде субсидий [10]. Эти средства в основном были выделены на реконструкцию транспортной системы страны, а также увеличение числа социальных объектов (школы, дошкольные учреждения, больницы) и спортивную инфраструктуру [там же]. Фактически лишь в отношении польской стороны был реализован очередной «план Маршалла» – она получила в ценах 1950-х годов столько же средств, как и вся Западная Европа в 1947–1951 гг. [там же]. Это во многом способствовало тому, что Польша де-факто единственная из стран региона продемонстрировала весьма успешное преодоление мирового экономического кризиса (с 2008 г.) и его последствий. Однако пример Польши стал исключением из правил – большинство стран региона были разочарованы небольшими объемами помощи со стороны «старых» государств – членов НАТО.

Особое отношение Запада к Польше было обусловлено ее значительной ресурсной базой (в частности, почти 40-миллионным населением и достаточно мощными вооруженными силами) и, соответственно, ее потенциалом как ведущего игрока в регионе. Для польской стороны характерно сохранение достаточно высокой рождаемости, что обусловлено не только консервативными (высокой степенью приверженности католическим ценностям) настроениями польского общества, но и значительной поддержкой многодетных семей со стороны государства – так, социальные выплаты семьям за каждого второго (третьего и т.д.) ребенка составляют 500 злотых (или около 120 евро) [16], что существенно стимулирует рождаемость.

«Кризис ожиданий» в отношении старых стран – участниц НАТО и ЕС со стороны новых стал проявляться, согласно наблюдениям участников семинара, с середины – второй половины 2000-х годов. Усилению этой тенденции способствовала глобализация, от которой в первую очередь проигрывают малые и средние государства, не успевшие завершить переход к сбалансированной рыночной модели развития, особенно на фоне мирового экономического кризиса. Этот тренд, а также в еще большей степени углубление взаимосвязей внутри ЕС объективно способствуют увеличению реального веса держав – в первую очередь Германии, которая стремится использовать наднациональный уровень интеграционного объединения для продвижения национальных интересов. Данное положение весьма негативно воспринимается истеблишментом и общественным мнением стран региона.

Развитие этих тенденций стало одной из ключевых причин усиления право-консервативных настроений в обществах стран Восточной Европы. Его компонентами выступают евроскептицизм (вплоть до призывов к отделению от ЕС) и национализм. Изменение общественных воззрений привело и к «поправению» ряда партий: так, партия «Фидес», возглавляемая В. Орбаном (премьер-министр Венгрии в 1998–2002 гг. и с 2010 г.), создавалась как либеральная, став правоконсервативной к началу 2010-х годов. Несмотря на благополучную в целом ситуацию в Польше, «поправела» и польская партия «Право и справедливость», занимающая в настоящий момент лидирующие позиции в польском Сейме. Главная причина этого, по мнению участников семинара, – рост национализма в Польше как составляющей самоутверждения в качестве полноправной региональной державы.

Пример подъема польского национализма особенно примечателен, как отмечалось участниками семинара. В принципе национализм характерен для разделенных наций – такая проблема применительно к Восточной Европе существует в Словакии, Венгрии и Румынии, но отнюдь не в Польше, где подавляющее большинство населения относят себя к этническим полякам: согласно опросам, в 2002 г. 96,7% опрошенных причисляли себя к титульной нации. Возможно, одной из причин подъема националистических настроений является их роль как компоненты самоидентификации Польши в качестве региональной державы Восточной Европы, стремящейся оказывать влияние на своих соседей. Показательно, что Польша – единственная из стран Восточной Европы стремится развернуть свои войска на территории сопредельных стран: Войско Польское направило свои подразделения в состав батальона сил передового развертывания НАТО в Латвии (см. табл. 2).

Важную роль в современной общественно-политической жизни играет «историческая политика», т.е. постоянное обращение к периодам наивысшего расцвета могущества Польши – в частности, ее небезуспешным попыткам в XVI–XVII вв. стать державой от «можа до можа», т.е. простираться от Балтийского до Черного морей. Исторически Польша, особенно в период зрелости Речи Посполитой, воспринимала себя как огромный восточный бастион католического Запада, боровшегося одновременно с православной Россией (Московией) и исламской Османской империей. «Исторической политикой», с точки зрения участников семинара, в значительной степени обусловлено и стремление Польши к всемерному усилению своего влияния на постсоветском пространстве – особенно в Украине, значительная часть территорий которой входила в состав Речи Посполитой. Так, в 2007–2008 гг. именно Польша поддержала Швецию, выступившую с инициативой запуска программы «Восточного партнерства», главным инструментом которой являлось заключение соглашений об ассоциации со странами постсоветского пространства. Несмотря на факты «волынской резни» (1943), когда до 100 тыс. этнических

поляков были «вырезаны» боевиками ОУН-УПА, а также вооруженные стычки между украинскими националистами и «Армией Крайовой» в годы войны (и даже после ее окончания, когда обе структуры были в подполье) [5, с. 247], официальная Варшава не стремится к «погашению» волны крайне правого радикализма на Украине.

В современных реалиях восточноевропейские страны – участницы ЕС по ряду ключевых политических и экономических вопросов выступают «диссидентами», демонстрируя свое несогласие со «старыми» государствами – членами объединения. Так, по настоянию Венгрии, раскритиковавшей официальный Киев за нарушение прав венгерского меньшинства в Закарпатье, было отложено проведение очередного заседания Совета НАТО – Украина. Страны «Вышеградской четверки» (Венгрия, Словакия, Чехия, Польша) последовательно отстаивают особую позицию в сфере миграционной политики, не проявляя готовности принимать по квотам беженцев из стран Магриба и Северной Африки. Кроме того, часть стран данной группы, в первую очередь Венгрия и Чехия, не считают в принципе правильным ужесточение санкций в отношении России.

Отличительным политическим трендом развития Восточной Европы является также и то, что в регионе в середине – второй половине 2010-х годов упрочились позиции праворадикальных политических сил, в то время как в Западной Европе волна правового ультраконсерватизма была в целом успешно «погашена». Вместе с тем по принципиальным пунктам политики в рамках ЕС и НАТО страны региона все же демонстрируют солидарность с партнерами. Так, они поддержали автоматическое продление санкций ЕС в отношении РФ (декабрь 2017 г.) на два года. В ноябре 2017 г. все страны Восточной Европы также приняли участие в запуске инициативы PESCO (*англ.* Permanent Structured Cooperation – постоянное структурированное сотрудничество) по углублению военно-технического и военно-политического сотрудничества на базе Европейского союза, хотя существовали серьезные опасения в отношении готовности Польши присоединиться к этому проекту в принципе.

Вместе с тем, как справедливо отмечалось в ходе семинара, изначальное согласие восточноевропейских государств на реализацию стратегических решений не означает отсутствие возможности критики этих проектов, порой достаточно жесткой, в дальнейшем. Так, на Уэльском саммите НАТО (4–5 сентября 2014 г.), проходившем на фоне развития украинских событий, восточноевропейские государства поддержали увеличение доли расходов на военные нужды для каждой страны – участницы Альянса до 2% от ВВП к 2024 г. Однако постепенно стала нарастать критика целесообразности столь больших вложений в военную сферу в ущерб остальным сферам (особенно социальной) государственного бюджета со стороны Чехии, Словакии, а также

Венгрии. Показательно, что к 2017 г. эти страны тратили на военные цели лишь 1,0–1,1% – существенно меньше, чем даже к началу 2010-х годов, и не проявляют готовности к изменению данной динамики (см. табл. 1).

Напротив, Польша уже в 2015 г. «перевалила» за отметку в 2%. Нарастание военных расходов характерно и для стран Балтии – Эстония уже вышла на плановый пороговый показатель, а Литва и Латвия демонстрируют готовность выйти на него уже в 2020 г. Более медленный рост военных расходов наблюдается в Румынии и Болгарии. Безусловно, как отметили участники научного семинара, в целом данная закономерность обусловлена бóльшим стремлением к росту военных расходов со стороны государств, расположенных вблизи восточной сухопутной границы зоны ответственности НАТО, а также Черного и Балтийского морей. При этом, как было подмечено, применительно к отдельным странам скорость роста военных расходов находилась *в прямо пропорциональной зависимости* от масштаба размещения на их территории военных контингентов США и старых государств – членов Альянса. Так, именно страны Балтии, Польша и Румыния стали основными реципиентами прямой военной помощи (в виде войск и военной техники) со стороны НАТО – в основном в соответствии с решениями Варшавского саммита блока (8–9 июля 2016 г.). Стремясь сохранить и увеличить масштаб данной поддержки, они демонстрируют повышенную заинтересованность в выполнении решений Уэльского саммита НАТО. Одной из ключевых причин этого является стремление к наращиванию ресурсного потенциала евро-атлантической региональной подсистемы перед лицом роста угроз на ее периферии – в частности, в условиях развития вооруженного конфликта на востоке Украины.

С момента прекращения юридического существования СССР независимая Украина стремилась найти свое место в системе европейской безопасности. В 1990-е годы официальный Киев параллельно участвовал в деятельности структур СНГ (хотя и не ратифицировал его Устав 1993 г.) и развивал сотрудничество с ЕС. В 1998 г. при президенте Л. Кучме была утверждена «Стратегия интеграции Украины в Европейский союз». В свою очередь, на Хельсинкском саммите ЕС 10 декабря 1999 г. была принята «Общая стратегия ЕС в отношении Украины». Однако на практике это не привело к доминированию евро-атлантического вектора во внешней политике Украины в начале XXI в. Как указывал Д. Табачник, в 1994–1996 гг. занимавший пост руководителя администрации президента Украины, официальный Киев в начале 2000-х годов продолжал «балансировать» между ЕС и Россией и ее союзниками на пространстве СНГ [6, с. 5]. При этом амплитуда «качания маятника» во внешней политике Украины возрастала: после «оранжевой революции» (2004) президент В. Ющенко интенсифицировал деятельность по сближению Украины с ЕС и НАТО, одновременно идя на беспрецедентное

ослабление отношений с Россией. При этом негативное отношение значительной части населения страны (особенно на юге и востоке) к вопросу вступления Украины в НАТО и ЕС де-факто были проигнорированы администрацией В. Ющенко [3, с. 49–50].

К концу 2009 г. стало очевидно, что попытки замены многовекторной внешней политики Украины при Л. Кучме на приверженность исключительно западному вектору не дали желаемых результатов: Украина не стала полноправным членом евро-атлантической региональной подсистемы, одновременно ослабив связи (в том числе политические и экономические) с Россией. Во многом, как указали участники семинара, это привело к победе В. Януковича на президентских выборах 2010 г.

1 июля 2010 г. Верховная Рада приняла Закон «Об основах внутренней и внешней политики». В нем был зафиксирован внеблоковый статус Украины, что фактически означало ее отказ от вступления в НАТО. Тем не менее в законе указывалось, что Украина будет продолжать конструктивное партнерство с НАТО и другими военно-политическими блоками в вопросах, представляющих взаимный интерес. Кроме того, в нем подчеркивалось, что важной целью ее внешней политики является вступление в Европейский союз.

Таким образом, «качание маятника» осталось отличительной чертой внешней политики Украины при администрации В. Януковича. Де-факто отказавшись от попыток придания русскому языку государственного статуса, в 2012–2013 гг. администрация В.Ф. Януковича осуществляла подготовку к подписанию соглашения об ассоциации Украины с ЕС. Однако на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» (2013) президент Украины отказался подписывать документ, вновь демонстрируя интерес к сближению с евразийскими структурами. Демонстративный шаг по торможению сближения с ЕС стал отправной точкой для протестов украинской оппозиции, в первую очередь в Киеве.

Вопреки договоренностям о примирении президента В.Ф. Януковича и оппозиции во главе с А. Яценюком и В. Кличко от 21 февраля 2014 г., гарантиями которого стали ФРГ, Франция и Польша, уже 22 февраля оппозиционные силы пришли к власти в стране. Избрание евро-атлантического вектора внешней политики как единственно приоритетного в купе с резким ростом радикальных настроений привело к фактическому расколу Украины.

Не останавливаясь подробно на процесс присоединения Крыма и развития вооруженного конфликта на востоке Украины (что выходит за рамки тематики семинара), участники постарались выделить общую схему политики страны в сфере международной безопасности. С одной стороны, Украина последовательно продолжила развивать отношения с Евро-Атлантическим сообществом. Ключевым событием стало подписание новыми украинскими властями 27 марта 2014 г. соглашения об ассоциации с ЕС (вступило в силу

1 июля 2016 г.). При этом вероятность вступления Украины в ЕС и особенно НАТО в обозримой перспективе крайне низка [1; 2]. С другой стороны, страна сталкивается с проблемой серьезного сокращения ресурсной базы внешней политики (особенно экономических возможностей), что тесно связано с ростом внутренней дестабилизации. Вооруженный конфликт на востоке Украины представляет собой серьезную угрозу безопасности не только для самой страны, но и России и Евро-Атлантического сообщества. При этом процесс урегулирования данной проблемы превратился в «гордиев узел», «развязывание» которого может одновременно стать отправной точкой для серьезного потепления отношений РФ и коллективного Запада, так и постепенного выхода самой Украины из состояния затяжного многомерного внутреннего кризиса. Одной из его составляющих является укрепление позиций праворадикальных сил, что может оказать влияние на политический ландшафт Восточной Европы.

Подводя итоги блоку вопросов по Украине, участники сошлись во мнении, что нельзя недооценивать угрозу со стороны действующих, как и прекращенных, но не урегулированных, вооруженных конфликтов на пространстве СНГ.

Оказывать влияние на обстановку на постсоветском пространстве, в частности, как на Украине, так и в зоне «замороженного» приднестровского конфликта, стремится и Румыния, вторая (после Польши) страна по численности населения в Восточной Европе (около 20 млн человек).

Современная румынская политическая история своей отправной точкой имеет силовую смену власти в 1989 г. В отличие от «бархатных революций» в других странах Восточной Европы коммунистический режим в этой стране был свергнут в результате народного восстания, а бывший лидер Н. Чаушеску казнен. В Румынии, в отличие от СССР, в условиях жестких политических гонений на внесистемных оппозиционеров, не было диссидентства. Поэтому первым президентом постсоциалистической Румынии стал И. Илиеску, находившийся в мягкой фронде к режиму Чаушеску и стремительно потерявший позиции внутри румынской номенклатуры после несогласия с центральной властью по строительству Дунайского канала. И. Илиеску знали на Западе, а потому этот политик, возглавивший «Фронт национального спасения», стал идеальной фигурой для переходного периода.

Уже в первые месяцы после свержения режима Н. Чаушеску в Румынии была запрещена и, что не менее важно, делегитимизирована коммунистическая партия. Самыми «левыми» на политическом ландшафте Румынии стали социал-демократы, последовательно «открещивавшиеся» от связей с коммунистами и специальными службами. Второй влиятельной политической силой (наряду с социал-демократами) стали силы праволиберального лагеря, ориентированные на последовательное развитие и углубление евро-атлантических связей. Националисты также заняли определенный сегмент политиче-

ского пространства, однако он существенно уже, чем у Национал-либеральной и Демократической партий – до середины 2000-х годов националисты набирали до 10% голосов на выборах различного уровня, в последующее десятилетие их влияние, несмотря на высокий уровень зрелости партийных институтов, стало падать.

Чем это обусловлено? Как отмечалось участниками семинара, исторически в Румынии были сильны правоконсервативные и праворадикальные тенденции – особенно в предвоенный период, на который пришлось время расцвета «Железной гвардии». Показательно, что националисты активно обращаются к «исторической политике», особенно временному отрезку 1918–1940 гг., когда в Румынию вошла не только Трансильвания, но и Бессарабия, а потому уместно с известной долей условности говорить о понятии «Великая Румыния». Ветераны-«железогвардейцы», бывшие в эмиграции, восторженно восприняли силовую смену власти в 1989 г. Однако, вопреки их ожиданиям, первый глава постсоциалистической Румынии И. Илиеску не стал разыгрывать «националистическую карту», предпочтя сфокусироваться на евро-атлантической интеграции при сохранении равных отношений с официальной Москвой. Весьма показателен в этой связи факт, приведенный участниками семинара: в 1990 г., во время возникновения вооруженного конфликта в Приднестровье, эмиссары из Кишинева обратились к И. Илиеску с вопросами, касающимися возможного «воссоединения» с Румынией. Такой сценарий укладывался бы в логику «великорумынской политики», однако И. Илиеску в принципе отверг такое решение, в том числе из-за дружественной позиции в отношении М.С. Горбачёва.

После ухода с поста президента (1996) И. Илиеску продолжил возглавлять социал-демократический лагерь. В результате непростых, проходивших в два тура, президентских выборов 2000 г., он вернул себе пост главы страны, ключевой своей целью поставив подготовку Румынии к вступлению в евроатлантические институты. Показательно, что во время нового (2000–2004) президентства И. Илиеску румынские вооруженные силы активно включились в проведение операций под эгидой НАТО в Афганистане, Ираке (уже после окончания войны 2003 г.), а также на Балканах. При этом, продолжая линию на сохранение нормальных отношений с Москвой, И. Илиеску стал ключевым лоббистом подписания «большого договора» (об основах взаимоотношений) с Россией, парафированного еще в 1990 г. – документ был подписан в 2003 г.

Опора на праволиберальный лагерь, представитель которого Э. КонстантINESКУ занимал президентский пост в 1996–2000 гг., была продолжена вновь избранным президентом Румынии Т. Бэеску (2004–2014), воспринимавшимся в определенной степени как «политический клоун». После вступления Румынии в НАТО (2004) и ЕС (2007) произошел резкий спад поддержки нацио-

налистического лагеря, что участники семинара связали как со стратегически грамотно выстроенной линией И. Илиеску, так и с привлечением электората националистов на сторону Т. Бэеску, который славился яркой популистской риторикой. Внешняя политика Т. Бэеску имела весьма серьезное отличие от И. Илиеску – он проявил готовность к ослаблению диалога с Москвой, считая, например, что проникновение «Газпрома» в Европу является бóльшим злом по сравнению со вступлением Красной армии в европейские страны. Подобное мнение приобретает особое звучание в условиях обращения к «исторической памяти» Румынии, когда освободительный поход РККА летом 1940 г. в Бессарабию, отторгнутую от России в 1918 г., квалифицировался президентом Т. Бэеску как «агрессивная» акция.

Новый внешнеполитический курс Т. Бэеску проявился и в поддержке «встраивания» Европейского союза в урегулирование приднестровского конфликта. Вслед за официальным Брюсселем румынский истеблишмент стал неразрывно связывать сам процесс урегулирования конфликта с обеспечением сближения обеих его сторон с ЕС через подписание соглашения о стабилизации и ассоциации, что неприемлемо для Приднестровья.

Евро-атлантический вектор приобрел при Т. Бэеску качественно новое измерение и в военной плоскости. С 2005 г. на территории Румынии стали создаваться военно-воздушные базы США (всего четыре). С 2008 г. порты Румынии стали активно использоваться оперативными группировками ВМС стран – участниц НАТО.

Дислокация американских ВВС на территории Румынии не ограничилась обычными военными базами. 13 сентября 2011 г. был подписан договор о размещении здесь базы американских ракет-перехватчиков (элементов системы ПРО). Это соглашение предусматривало создание комплекса противоракетной обороны, который включает и развертывание радиолокационной станции. После начала ввода в эксплуатацию в 2015 г. он находится под командованием и управлением НАТО.

Принцип евро-атлантической солидарности как ключевая компонента румынской политики еще более усилился при вновь избранном президенте Румынии К. Йоханнисе (с 2014 г.), который воспринимается как в Румынии, так и за рубежом как «классический» представитель западного истеблишмента. Символом этого является его немецкое происхождение, а также постоянно проживающие в Германии родители, эмигрировавшие из румынской Трансильвании еще в 1992 г. Показательно также, что сдержанная риторика нового румынского главы теснейшим образом сопряжена с высказываниями официальных лиц ЕС и НАТО – в частности, по вопросам усиления военного присутствия США и «старых» европейских стран – участниц Альянса в отношении роли Румынии в Черноморском регионе.

Выступая на Парламентской ассамблее Альянса в Бухаресте 9 октября 2017 г., К. Йоханнис заявил: «Необходимо усилить присутствие на восточном фронте, особенно на юге, в Черном море, во всех измерениях». Вместе с тем он сказал: «Наша цель не война, а мир, НАТО не является угрозой для России. В отношении России необходима комплексная стратегия союзников. Она должна предусматривать диалог» [11].

Какова географическая направленность, динамика и промежуточные результаты процесса усиления военного присутствия НАТО вблизи ее восточных рубежей (т.е. у границ России и Беларуси)? Участники семинара выделили три основных этапа в развитии данного процесса. *Первый* из них охватывает период с 2004 по 2013 г., т.е. с момента вступления большинства стран региона в НАТО и до начала украинских событий. На данном временном отрезке США и «старые» государства – члены Альянса создали лишь морские и воздушные, но отнюдь не наземные инструменты присутствия в Восточной Европе и особенно прилегающих акваториях.

В 2004 г., учитывая настоятельные просьбы стран Балтии и Польши, были созданы три механизма: 1-я постоянная морская группа (ПМГ), 1-я постоянная контрминная группа (ПКМГ), т.е. группировки военно-морских сил, и Миссия по патрулированию воздушного пространства стран Балтии. Обе оперативные морские группировки оперировали в акваториях Балтийского моря, Финского, Рижского и Ботнического заливов, а также в стратегически важных проливах Зунд (Эресунн), Каттегат и Скагеррак от шести до девяти месяцев в году, остальное время находясь в Северном море и прилегающих бассейнах. 1-я ПМГ обычно включала в себя два-три фрегата и один-два корвета, 1-я ПКМГ – до четырех-пяти минных тральщиков. Суда выделялись на ротационной основе (на пять-семь месяцев) «старыми» странами – участниками НАТО, чья территория омывалась морями Европы с севера: Германией, Великобританией, Нидерландами, Норвегией и Данией. Кроме того, в состав обеих групп боевые вымпелы выделялись национальными ВМС Польши и стран Балтии. Помимо «демонстрации флага» (особенно в портах Эстонии и Латвии), обе военно-морские группы активно участвовали в учениях с участием флотов стран – участниц НАТО в регионе, а также условно нейтральных Швеции и Финляндии, тем самым существенно повышая тактико-оперативную совместимость с ними. При необходимости 1-я ПМГ и 1-я ПКМГ, дополненные также ранее бывшими (и предназначенными к использованию) в их составе судами, могут составить «ядро» оперативных эскадр НАТО.

В интересах Миссии по патрулированию воздушного пространства стран Балтии к началу 2010-х годов были реконструированы два больших военных аэродрома: Эмари в Эстонии (вблизи Таллинна) и Шауляй в Литве. На каждом из них базируются по четыре истребителя, предоставляемых на ротационной основе (каждые пять-восемь месяцев) двумя «старыми» европейскими

странами – участницами НАТО. Кроме того, аэродромы используют до одного-двух звеньев ВВС США (в том числе самолеты ДРЛО), официально не входящие в состав Миссии. Согласно подсчетам участников семинара, на каждом из аэродромов может быть в случае необходимости размещено не менее одного авиакрыла (60–80 боевых самолетов) ВВС НАТО.

С 2008 г., после операции РФ по принуждению Грузии как агрессора в отношении Южной Осетии к миру, были созданы 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ, основными акваториями оперирования которых стали Черное, а также Средиземное и Мраморное моря, проливы Босфор и Дарданеллы. Они в основном комплектовались на ротационной основе из судов ВМС южноевропейских стран – участниц НАТО, а также Турции и Канады. Обе морские группы совершают регулярные визиты в порты Констанцы, Варны, Бургаса, отрабатывая взаимодействие (в том числе на учениях) с ВМС Румынии и Болгарии. Их средняя продолжительность пребывания в акватории Черного моря – три-шесть месяцев в году.

Из наземных войск до 2014 г. вблизи восточной границы зоны ответственности НАТО располагались лишь вооруженные силы восточноевропейских государств. Даже после вступления в Альянс, как отметили участники семинара, парк их боевой техники (особенно тяжелой) состояли в основном из единиц еще советского производства, выпущенных в 1970–1980-е годы. Частичным исключением в этой связи выступало Войско Польское: так, для него была закуплена партия танков германского производства типа «Леопард 2» (которые были списаны с вооружения бундесвера). Однако в целом «старые» государства-члены не проявляли готовность участвовать в модернизации вооруженных сил восточноевропейских государств.

Необходимо также отметить, что на данном этапе США был поднят вопрос о размещении Третьего позиционного района ПРО в Европе, элементы которого (радары, ракеты-перехватчики) планировалось разместить в Чехии, Польше (согласно планам «позднего Буша» и «раннего Обамы»), а также Румынии (к середине 2010-х годов).

Второй этап занимает временной отрезок с февраля 2014 г., когда начались украинские события, и до июля 2016 г., когда был проведен Варшавский саммит блока. Главной характеристикой этого временного отрезка является резкая интенсификация военно-тренировочной деятельности стран – участниц блока, которую уместно охарактеризовать следующими ключевыми чертами:

– участием в учениях (в первую очередь, на территории Польши) сил быстрого реагирования Альянса. Их численность была увеличена, согласно решению Уэльского саммита НАТО (4–5 сентября 2014 г.), с 15 тыс. до 30 тыс. военнослужащих [17], а вслед за этим 24 февраля 2015 г., на основании решения глав военных ведомств стран – участниц блока, до 40 тыс. солдат

и офицеров [14]. Ключевая роль в учениях отводилась бригаде сверхповышенной боевой готовности (около 5 тыс. солдат и офицеров) в составе СБР Альянса. Как подчеркнули также участники семинара, в этот период на территории региона – от восточных земель ФРГ до Эстонии – было развернуто шесть штабов для принятия командования бригадами сверхповышенной боевой готовности. Согласно сложившейся в Альянсе практике, комплектование СБР происходит в рамках семилетних циклов: каждые 12 месяцев (с сентября по август) три-четыре страны-участницы (в том числе одна средняя или крупная) выделяют свои контингенты, в том числе бригаду как соединение сверхповышенной боевой готовности. Соответственно, всего в НАТО имеется не менее семи (в том числе шесть потенциальных) подобных бригад – под каждую из них (исключая действующую) и был создан штаб. Это позволяет Альянсу оперативно развернуть вблизи своих восточных границ 30–40 тыс. военнослужащих в течение нескольких дней [14];

– осуществлением в ходе учений выбросок тактических десантов (до 2,5 тыс. военнослужащих), а также интенсивных тренировок сил специальных операций;

– привлечением к проведению учений (особенно в Эстонии) значительных сил резервистов.

Формально «потолок» одного военного учения, проводившегося Североатлантическим альянсом в данный период, не превышал 13 тыс. военнослужащих. Однако в реальности, учитывая факт одновременного проведения трех-четырёх учений и их географической сонаправленности, этот показатель был превышен. В этот период на территории стран Балтии, Польши и Румынии были размещены лишь небольшие дополнительные силы (батальонная тактическая группа (БТГ)), причем исключительно из состава армии США.

Отправной точкой *третьего* этапа рассматриваемого на семинаре процесса укрепления позиций НАТО в Восточной Европе является проведение Варшавского саммита Альянса 8–9 июля 2016 г. [18]. Само место встречи (столица Польши как один из главных апологетов наращивания военного присутствия НАТО) и время (незадолго до крупнейших учений «Анаконда-2016» с участием 31 тыс. военнослужащих) [13] – символичны. На основании решений саммита началось развертывание полномасштабного наземного военного присутствия Альянса, что, по мнению участников семинара, уместно охарактеризовать следующими чертами:

– развертыванием двух механизированных соединений армии США на территории стран Балтии, Польши и Румынии: 3-й бронетанковой бригады 4-й пехотной дивизии [7] и 1-й бронетанковой бригады 3-й пехотной дивизии [18]. Каждая из них имеет полный комплект тяжелой техники, в том числе по 108 штатных танка. При этом личный состав второго из указанных соеди-

нений размещен в Германии, но может быть в течение 2-х часов переброшен в Восточную Европу [18];

– дислоцированием четырех батальонных тактических групп, укомплектованных в основном контингентами «старых» стран – участниц НАТО (см. табл. 2). По одной БТГ было дислоцировано на территориях Эстонии, Латвии, Литвы и Польши [2];

– созданием крупных складов военной техники, вооружений и обмундирования в глубине территорий указанных государств. Это позволяет перебросить сюда (в том числе в штатской одежде) контингенты военнослужащих, обеспечив их всем необходимым на месте;

– развертыванием разветвленной штабной инфраструктуры: на территории Польши был развернут штаб корпуса «Северо-Восток», Румынии – дивизии «Юго-Восток». Первый из них может принять командование над межвидовой группировкой численностью до 70–80 тыс. военнослужащих, второй – до 20–25 тыс. Их основу могут составить уже размещенные войска (эквивалентные не менее чем трем «тяжелым» бригадам), бригады сверхповышенной боевой готовности (до семи), дополнительные силы, использующие технику со складов, а также формирования вооруженных сил стран Восточной Европы.

Наиболее мощными вооруженными силами располагает Польша, основная масса войск которой размещается на севере (вблизи Калининградской области) и востоке, а также Румыния, значительная группировка войск которой дислоцирована в северо-восточной части страны. Остальные государства региона располагают относительно небольшими (от 5 тыс. до 30 тыс. военнослужащих). При этом показательно, что государства региона стали с 2014 г. стремиться к увеличению численности своих вооруженных сил (см. табл. 3). В авангарде этого движения, как и в случае с ростом военных расходов, находятся государства, на территории которых размещены наиболее крупные группировки войск НАТО.

С одной стороны, участники семинара отмечали серьезное – и количественное, и качественное – наращивание военного присутствия НАТО вблизи ее восточных рубежей. С другой стороны, эти силы, даже в случае усиления их войсками СБР, недостаточны для обеспечения равенства (не говоря уже о превосходстве) с войсками РФ, дислоцированными в западных субъектах страны. При нынешней боевой мощи группировки НАТО в Восточной Европе способны выполнять лишь функции прикрытия и «демонстрации флага». При этом основная масса войск Североатлантического альянса продолжает дислоцироваться на территории «старых» стран – участниц НАТО. Так, согласно информации германских «левых», в Восточную Европу планировалось перебросить до 250 танков армии США, в то время как только в Германию, т.е. зону второго стратегического эшелона, – 550 (!) [12, с. 1].

Показательно также, что масштабные учения «Анаконда-2016» проводились не в восточных, а в самых западных воеводствах Польши и восточных землях ФРГ. Это свидетельствовало в пользу того, что их главной задачей была отработка прикрытия основной массы войск стран НАТО, размещенных в Центральной и Западной Европе – в том числе портов Германии, через которые прибывают войска и особенно военная техника США.

В тесной связи с развитием военно-политической обстановки в Восточной Европе и особенно акватории Балтийского моря находятся вопросы военно-политического позиционирования Швеции и Финляндии. С момента вступления в ЕС (1995 г.) их нейтралитет, учитывая обязательства по координации усилий в области внешней политики и обороны, является условным. На современном этапе наблюдается тенденция сближения обоих североευропейских стран с Североатлантическим альянсом. Де-юре пиком развития взаимодействия стало подписание на полях Уэльского саммита НАТО 4–5 сентября 2014 г. соглашения о взаимопонимании Швеции и Финляндии с блоком, создавшим расширенные юридические рамки для сотрудничества сторон [9]. Де-факто финские и особенно шведские ВМС участвуют практически во всех учениях под эгидой НАТО в морях, омывающих с севера Европу, и в Атлантическом океане. Кроме того, Швеция присоединилась к подготовке СБР НАТО и активно поддерживает на своей территории совместные усилия Альянса. Однако, формально войти в состав Организации Североатлантического договора Швеция и Финляндия не стремятся – общественное мнение этих государств против этого шага. Помимо стремления избежать резкого ухудшения отношений с Россией, это обусловлено также стремлением сохранить свою «особость», связанную с нейтральным статусом. Швеция располагает собственным весьма развитым военно-промышленным комплексом, способным производить конкурентную на мировом уровне морскую, наземную и воздушную боевую технику. Вступление же в блок может привести к частичному удушению шведского производителя более мощными концернами США и Европы. Кроме того, как подчеркнули участники семинара, шведские и финляндские вооруженные силы «заточены» исключительно под использование на специфическом по своим тактико-оперативным характеристикам североευропейском театре военных действий. При этом при использовании на других направлениях их боевые характеристики существенно ниже, что отнюдь не будет способствовать получению Швецией и Финляндией того военно-политического веса в НАТО, который они потеряют, перестав быть условно нейтральными странами.

* * *

Страны региона Восточной Европы – как малые, так и средние (прежде всего Польша и в несколько меньшей степени Румыния) – находятся в поисках своей геополитической субъектности. Своей активной внешней политикой они среди прочего стремятся «компенсировать» ее отсутствие на длительных исторических отрезках. О стремлении к достижению этой цели свидетельствуют три основных тренда. Первый из них – это рост влияния правых, в том числе праворадикальных, политических сил, которые объединяет стремление к усилению элементов «державности», особенно во внешнеполитическом курсе. Второй, тесно связанный с первым, тренд – это огромная роль «исторической политики» во внутри- и внешнеполитическом позиционировании стран Восточной Европы. С одной стороны, политические силы правого толка активно обращаются к периодам, когда страны региона (особенно Польша) были влиятельными игроками, ставя своей целью достижение сопоставимого веса на современном этапе, с другой – ко временам «геополитического притеснения», особенно когда требуется получить помощь (в том числе военную) со стороны партнеров. Наконец, третий тренд – это стремление позиционировать Восточную Европу как ключевое для НАТО направление и, соответственно, развернуть здесь сопоставимое по масштабам с территорией «старых» государств – участников Альянса военное присутствие в условиях фатального ухудшения отношений России и Запада. Развертывание группировок из состава «внешних» по отношению к Восточной Европе государств – членов НАТО является фактором компенсации относительной слабости вооруженных сил, которыми располагают региональные участники Альянса.

Таблица 1

**ДОЛЯ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ ГОСУДАРСТВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
И СТРАН БАЛТИИ В 2009–2016 гг. ОТ ВВП (в %)**

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Чехия	1,52	1,29	1,07	1,06	1,03	0,96	1,06	1,04
Словакия	1,52	1,27	1,09	1,10	0,99	0,99	1,14	1,16
Венгрия	1,14	1,04	1,05	1,04	0,95	0,87	0,94	1,01
Польша	1,71	1,77	1,72	1,74	1,72	1,85	2,23	2,00
Литва	1,07	0,88	0,79	0,76	0,76	0,88	1,14	1,49
Латвия	1,21	1,06	1,02	0,89	0,93	0,94	1,04	1,45
Эстония	1,80	1,70	1,68	1,89	1,90	1,94	2,07	2,16
Болгария	1,75	1,67	1,33	1,35	1,46	1,32	1,29	1,35
Румыния	1,33	1,24	1,28	1,22	1,28	1,35	1,45	1,48
В среднем по европейским странам – участницам НАТО	1,70	1,64	1,56	1,53	1,51	1,46	1,45	1,46
В среднем по всем странам – участницам НАТО	3,30	3,04	2,98	2,82	2,66	2,50	2,41	2,43

Составлено авторами на основе: [8].

Таблица 2

**ОСОБЕННОСТИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ СМЕШАННЫХ БАТАЛЬОНОВ НАТО
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (РОТАЦИЯ 2016–2017 гг.)**

Восточноевропейская страна, принимающая батальон	Страна НАТО, создающая рамочную основу сил батальона	Государства, дополнительно предоставляющие подразделения в состав батальона
Эстония	Великобритания	Франция, Дания
Латвия	Канада	Италия, Польша, Дания, Словения
Литва	Германия	Франция, Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Хорватия
Польша	США	Великобритания и Румыния

Составлено авторами на основе: В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе [2].

Таблица 3

**ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ ЛИЧНОГО СОСТАВА
СТРАН – УЧАСТНИЦ НАТО В 2009–2016 гг. (тыс. военнослужащих)**

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>Ведущие европейские державы НАТО</i>								
Великобритания	195	198	191	184	179	169	163	161
Франция	239	234	227	219	213	207	207	208
Германия	247	235	205	192	184	179	180	180
Италия	197	193	192	189	189	183	182	182
<i>Малые и средние государства – «старые» члены НАТО</i>								
Бельгия	36	34	32	31	31	31	31	29
Люксембург	0,9	0,9	0,9	0,8	0,9	0,8	0,9	0,9
Нидерланды	48	48	45	44	42	41	41	41
Испания	132	131	127	125	122	122	121	121
Португалия	40	43	35	34	33	31	31	31
Норвегия	18	19	21	21	20	21	21	20
Дания	19	19	19	19	18	17	16	16
Греция	135	128	117	110	110	107	106	106
Турция	495	495	495	495	427	423	426	411
<i>Новые страны – участницы (регион Восточной Европы и государства Балтии)</i>								
Латвия	5	5	5	5	5	5	5	5
Литва	8	8	8	8	8	9	12	13
Эстония	5	5	6	6	6	6	6	6
Польша	99	100	97	98	100	99	103	103
Чехия	24	24	22	22	20	20	21	22
Словакия	15	14	13	13	12	12	12	13
Венгрия	19	20	19	19	18	17	17	18
Болгария	32	30	29	26	28	27	27	31
Румыния	67	67	66	66	66	65	64	70
<i>Новые страны – участницы (Балканы)</i>								
Албания	11	11	10	8	7	7	6	7
Хорватия	16	16	16	16	16	15	15	15
Словения	7	7	7	7	7	7	7	7
<i>Всего по европейским странам-участницам</i>	1497	1488	1493	1450	1404	1387	1375	1379
Канада	60	61	68	68	68	66	66	65
США	1418	1427	1425	1400	1382	1338	1311	1305
Всего	3589	3572	3497	3423	3312	3226	3198	3163

Составлено авторами на основе: [8].

Библиография

1. Азаров Н.Я. Уроки Майдана. Украина после переворота. М.: Вече, 2017. 320 с.
2. В НАТО заявили об участии 16 стран в ротации сил в Восточной Европе // РБК [Электронный ресурс]. 2016. 16 октября. URL: <<http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082>> (Дата обращения: 25.12.2017.)
3. Итоги саммита Украина–ЕС: с без визой и ассоциацией, но без перспективы членства в ЕС и НАТО // Сегодня [Электронный ресурс]. 2017. 13 июня. URL: <<https://www.segodnya.ua/ukraine/itogi-sammita-ukraina-es-s-bezvizom-i-associaciy-no-bez-perspektivy-chlenstva-v-es-i-nato.html>> (Дата обращения: 25.12.2017.)
4. Моро К. Украина: В чем ошиблась Франция. М.: Фонд исторической перспективы, 2016. 150 с.
5. Мотыка Г. От волынской резни до операции «Висла»: Польско-украинский конфликт 1943–1947 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. 336 с.
6. Табачник Д. Украина: Политика упущенных возможностей // 2000: Еженедельник. Киев, 2008. № 42. 17–23 октября. С. 5.
7. 4th ID begins convoy across Germany to Poland // US Army [Электронный ресурс]. 2017. Jan. 09. URL: <http://www.army.mil/article/180449/4th_id_begins_convoy_across_germany_to_poland> (Дата обращения: 25.12.2017.)
8. Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016). Communiqué PR/CP (2016) 116. 4.07.2016 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf> (Дата обращения: 25.12.2017.)
9. Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO (2014) // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.shape.nato.int/finland-and-sweden-signing-a-memorandum-of-understanding-with-nato-for-operational-and-logistic-support>> (Дата обращения: 25.12.2017.)
10. How the EU transformed Poland // The Guardian [Электронный ресурс]. 2014. May 01. URL: <<https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/01/eu-poland-10-years-economic>> (Дата обращения: 25.12.2017.)
11. Klaus Iohannis: NATO nu este o amenințare pentru Rusia // Sputnik [Электронный ресурс]. 2017. Oct. 09. URL: <https://www.realitatea.net/iohannis-participa-la-adunarea-parlamentara-nato-i-il-prime-te-la-cotroceni-pe-jens-stoltenberg_2111228.html> (Дата обращения: 25.12.2017.)
12. Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion DIE LINKE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015. 15 S.
13. NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // The Guardian [Электронный ресурс]. 2016. June 06. URL: <<https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato-launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016>> (Дата обращения: 25.12.2017.)
14. NATO Response Force // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm> (Дата обращения: 25.12.2017.)
15. The Paris Club's unprecedented debt write-off for Poland is... // UPI. [Электронный ресурс]. 1991. Apr. 04. URL: <<https://www.upi.com/Archives/1991/04/02/The-Paris-Clubs-unprecedented-debt-write-off-for-Poland-is/2145670568400/>> (Дата обращения: 25.12.2017.)

16. Polish child benefit,, Rodzina 500 Plus... // Just Ask [Электронный ресурс]. 2017. July 16. URL: <<https://www.justaskpoland.com/polish-child-benefit-rodzina-500-plus/>> (Дата обращения: 25.12.2017.)

17. Wales Summit Declaration, 5 September 2014 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm> (Дата обращения: 25.12.2017.)

18. Warsaw Summit Communiqué, 8–9 July 2016 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm> (Дата обращения: 25.12.2017.)

19. US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // The Independent [Электронный ресурс]. 2017. Sept. 16. URL: <<http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html>> (Дата обращения: 25.12.2017.)

References

Azarov N.Ja. Uroki Majdana. Ukraina после perevorota. Moscow: Veche, 2017. 320 p.

Defence Expenditures of NATO Countries (2009–2016). Communiqué PR/CP (2016) 116. 4.07.2016 // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_07/20160704_160704-pr2016-116.pdf> (Дата обращения: 25.12.2017.)

Finland and Sweden sign Memorandum of Understanding with NATO (2014) // NATO: Official Website [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.shape.nato.int/finland-and-sweden-signing-a-memorandum-of-understanding-with-nato-for-operational-and-logistic-support>> (Дата обращения: 25.12.2017.)

4th ID begins convoy across Germany to Poland // US Army [Электронный ресурс]. 2017. Jan. 09. URL: <http://www.army.mil/article/180449/4th_id_begins_convoy_across_germany_to_poland> (Дата обращения: 25.12.2017.)

How the EU transformed Poland // The Guardian [Электронный ресурс]. 2014. May 01. URL: <<https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/may/01/eu-poland-10-years-economic>> (Дата обращения: 25.12.2017.)

Itogi sammita Ukraina–ES: S bezvizom i asociacij, no bez perspektivy chlenstva v ES i NATO // Segodnja [Электронный ресурс]. 2017. June 13. URL: <<https://www.segodnya.ua/ukraine/itogi-sammita-ukraina-es-s-bezvisom-i-associacij-no-bez-perspektivy-chlenstva-v-es-i-nato.html>> (Дата обращения: 25.12.2017.)

Klaus Iohannis: NATO nu este o amenințare pentru Rusia // Sputnik [Электронный ресурс]. 2017. Oct. 09. URL: <https://www.realitatea.net/iohannis-participa-la-adunarea-parlamentara-nato-i-il-prime-te-la-cotroceni-pe-jens-stoltenberg_2111228.html> (Дата обращения: 25.12.2017.)

Kleine Anfrage der Abgeordneten Andrej Hunko, Eva Bulling-Schröter, Dr. Alexander S. Neu, Wolfgang Gehrcke, Christine Buchholz, Annette Groth, Ulla Jelpke, Niema Movassat, Jörn Wunderlich und der Fraktion DIE LIN-KE. Verlegung von Ausrüstung, Fahrzeugen und Panzern für eine schwere US-Brigade nach Grafenwöhr und Mannheim. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/5604, 14.07.2015. 15 S.

Moro K. Ukraina: V chem oshiblas' Francija. Moscow: Fond istoricheskoy perspektivy, 2016. 150 p.

Motyka G. Ot volynskoj rezni do operacii «Visla»: Pol'sko-ukrainskij konflikt 1943–1947 gg. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklo-pedija, 2014. 336 p.

NATO countries begin largest war game in Eastern Europe since cold war // The Guardian [Электронный ресурс]. 2016. June 06. URL: <<https://www.theguardian.com/world/2016/jun/06/nato>>

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

launches-largest-war-game-in-eastern-europe-since-cold-war-anaconda-2016> (Data obrashhenija 25.12.2017.)

NATO Response Force // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Polish child benefit, Rodzina 500 Plus... // Just Ask [Jelektronnyj resurs]. 2017. July 16. URL: <<https://www.justaskpoland.com/polish-child-benefit-rodzina-500-plus/>> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Tabachnik D. Ukraina: Politika upushhennyh vozmozhnostej // 2000: Ezhenedel'nik. Kiev, 2008. N 42. Oct. 17–23. P. 5.

The Paris Club's unprecedented debt write-off for Poland is... // UPI. [Jelektronnyj resurs]. 1991. Apr. 04. URL: <<https://www.upi.com/Archives/1991/04/02/The-Paris-Clubs-unprecedented-debt-write-off-for-Poland-is/2145670568400/>> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

US army tanks arrive in Poland as Russia starts military drills on country's border // The Independent [Jelektronnyj resurs]. 2017. Sept. 16. URL: <<http://www.independent.co.uk/news/world/us-tanks-poland-russia-war-games-military-drills-belarus-putin-trump-a7949906.html>> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

V NATO zajavili ob uchastii 16 stran v rotacii sil v Vostochnoj Evrope // RBK [Jelektronnyj resurs]. 2016. Oct. 16. URL: <<http://www.rbc.ru/politics/26/10/2016/581105489a7947ab15d62082>> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Wales Summit Declaration, 5 September 2014 // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)

Warsaw Summit Communiqué, 8–9 July 2016 // NATO: Official Website [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm> (Data obrashhenija: 25.12.2017.)